

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА.

«Палата № 6», А. П. Чехова («Русск. Мысль», № 11).

(Окончаніе *).

VI.

Въ прошломъ фельетонѣ я уже имѣлъ случай замѣтить, что основная идея повѣсти г. Чехова заключается въ томъ, «что десятки, сотни сумасшедшихъ гуляютъ на свободѣ потому, что ваше невѣжество не способно отличить ихъ отъ здоровыхъ».

Идея эта вполне наглядно выражается въ той параллели, какую провелъ авторъ между двумя главными своими героями: однимъ завѣдомо сумасшедшимъ и потому содержавшимся въ палатѣ № 6, Иваномъ Дмитріевичемъ Громовымъ, другимъ—законнымъ уже нинѣ докторомъ Авдеемъ Ефимовичемъ Рагинымъ.

Несмотря на то, что оба эти душевно-больные значительно отличались одинъ отъ другого характеромъ своихъ недуговъ: у одного была манія преслѣдованія, у другого — атрофія воли съ склонностью къ идиотизму вслѣдствіе алкоголизма,—оба они сходятся въ одномъ, именно, что, будучи душевно-больными, пользовались продолжительное время свободою, пока, наконецъ, не обнаружили своихъ недуговъ въ такихъ рѣзкихъ проявленіяхъ, которые обратили на себя вниманіе всехъ ихъ окружающихъ. Громовъ былъ сынъ чиновника. Онъ учился уже въ университетъ, когда старикъ-отецъ его былъ отданъ подъ судъ за подлоги и растраты и вскорѣ умеръ въ тюремной больницѣ отъ тифа, а старшій братъ Сергѣй умеръ въ скоротечной чахоткѣ. Иванъ Дмитріевичъ съ матерью остались безъ всякихъ средствъ. Борясь съ нищетою, онъ палъ духомъ, захирѣлъ и, бросивъ университетъ, уѣхалъ домой. Дома, въ городкѣ, получилъ по протекціи мѣсто учителя въ уездномъ училищѣ, но не сошелся съ товарищами, не понравился ученикамъ и скоро бросилъ мѣсто. Умерла мать. Онъ съ полгода ходилъ безъ мѣста, питаясь только хлѣбомъ и водою, затѣмъ поступилъ въ судебные пристава.

Онъ и въ молодые студенческіе годы не производилъ впечатлѣнія здороваго, всегда былъ блѣдень, худъ, подверженъ простудѣ, мало ѣлъ, дурно спалъ. Отъ одной рюмки вина у него кружилась голова и дѣлалась истерика. Благодаря раздражительности и мнительности онъ, съ людьми близко не сходился и друзей не имѣлъ. О чемъ съ нимъ ни заговори, онъ все сводилъ къ одному: въ городѣ душно и скучно жить, у общества нѣтъ высшихъ интересовъ, оно ведетъ тусклую, бессмысленную жизнь, разнообразіе ее насиліемъ, грубымъ развратомъ и лицемеріемъ; подлецы сыты и одѣты, а честные питаются крохами и пр. Въ сужденіяхъ о людяхъ человечество дѣлалось у него на честныхъ и подлецовъ; середины не было. О женщинахъ и любви онъ всегда говорилъ страстно, съ восторгомъ, но ни разу не былъ влюбленъ. Все свободное время онъ проводилъ въ чтеніи: все, бывало, сидитъ въ клубѣ, нервно тербитъ бородку и перелистываетъ журналы и книги; и по лицу его видно, что онъ не читаетъ, а глотаетъ, едва успѣвъ разжевать; причемъ онъ съ одинаковою жадностью набрасывался на все, что попадало ему подъ руки, даже на прошлогоднія газеты и календари.

VII.

Какъ видите, Громовъ былъ человѣкъ, правда, не безъ страховостей, но не обнаруживалъ ничего такого, вслѣдствіе чего его могли-бы заподозрить въ склонности къ душевной болѣзни. Такихъ людей вы встрѣтите на каждомъ шагу, и они мирно проживаютъ весь вѣкъ, считаются вполне нормальными и здоровыми.

*) См. № 334 «Новостей».

интересъ въ вѣншему міру, въ книги, и стала сильно измѣнять память.

VIII.

Но и въ такомъ явно уже ненормальномъ состояніи разсудка Громовъ могъ прожить всю жизнь, не обратив-

ши на себя ничего вниманія, сойдя за человѣка, хотя и нѣсколько мнительнаго, но совершенно здороваго. Люди такъ углублены въ свои собственные интересы и заботы, такъ мало наблюдательны и внимательны къ своимъ ближнимъ, что необходимо, чтобы ближній проявилъ себя въ какомъ-нибудь поступкѣ, выходящемъ изъ урона жизни и кричащемъ, чтобы они обратили на него внимание. Въ большинствѣ-же случаевъ они руководствуются въ своихъ сужденіяхъ первою, неизвѣстною къ имъ пущеною, молвою, сплетнею, не давая себѣ труда выкапывать насколько эта молва-сплетня заслуживаетъ довѣрія.

И встрѣчалъ, по крайней мѣрѣ, много совершенно подобныхъ Громову, одержимыхъ манією преслѣдованія людей, которыхъ никому не приходило и въ голову признать за душевно-больныхъ. Здравомыслящіе люди вступали съ ними въ серьезные споры, стараясь то разсѣять ихъ опасенія относительно мнимаго вѣста, то разувѣрить, что NN вовсе не шпионъ; другие обижались, когда подозрѣнія больного обращались противъ нихъ. Такъ-же точно и Громовъ могъ-бы прожить годы въ своихъ безумныхъ грезахъ, и никто не обратилъ бы на него вниманія, если-бы болѣзнь его не сделала новыхъ шаговъ въ своемъ развитіи и больной не проявилъ ея въ рядѣ поступковъ, совершенно уже несообразныхъ.

Весною, когда сошелъ снѣгъ, въ оврагѣ около камина наши два полуистлѣвшихъ трупа—старухи и мальчикъ, съ признаками насильственной смерти. Въ родѣ только и разговора было, что объ этихъ трупахъ неизвѣстныхъ убійцахъ. Иванъ Дмитріевичъ, чтобы не подумали, что это онъ убилъ, ходилъ по улицамъ улыбаясь, а при встрѣчѣ со знакомыми блѣднѣлъ, кричалъ и пачиналъ увѣрять, что нѣтъ подлѣе преступленія, какъ убійство слабыхъ беззащитныхъ. Но эта лъз скоро утомила его, и, послѣ нѣкотораго размышленія, рѣшилъ, что въ его положеніи самое лучшее это спрятаться въ хозяйкинъ погребъ. Въ погребѣ просидѣлъ онъ день, потомъ ночь и другой день, сильно озябъ, и дожавшись догемомъ, тайкомъ, какъ воръ, пробрался въ ея комнату. До разсвѣта простоялъ онъ посреди комнаты, не шевелась и прислушиваясь. Рано утромъ, до восхода солнца, въ хозяйкѣ пришли печники. Иванъ Дмитріичъ хорошо зналъ, что они пришая затѣмъ, чтобы переключать въ кухню печь, но страхъ подсказалъ ему, что это олицетвореніе, переодѣтые печниками. Онъ потихоньку вышелъ изъ квартиры и, охваченный ужасомъ, безъ шапки и куртки, побѣжалъ по улицѣ. За нимъ съ лаемъ гнались собаки, кричалъ гдѣ-то повади мужикъ, въ ухахъ висталъ всадухъ, и Ивану Дмитріичу казалось, что на себѣ всего міра скопилось за его спиной и гонится за нимъ.

Его задержали, привели домой и послали за докторомъ. Докторъ прописалъ холодныя примочки на голову и лавровишневая капли, грустно покачалъ головой и ушелъ, сказавъ хозяйкѣ, что больше она уже не придетъ, потому что не слѣдуетъ мѣшать людямъ сходиться съ ума. Такъ какъ дома не на что было жѣ и ле-

читься, Ивана Дмитрича отправили въ больницу положили его тамъ въ палатѣ для венерическихъ бѣдныхъ. Онъ не спалъ по ночамъ, капризничалъ и боконилъ больныхъ, и скоро, по распоряженію Андрея Фимыча, былъ переведенъ въ палату № 6-й. Черезъ годъ городъ уже совершенно забыли про Ивана Дмитрича книги его, сваленныя хозяйкой въ сѣни подъ навѣсомъ были растасканы мальчишками.

IX.

Въ прошломъ фельетонѣ мы успѣли ужасно сколько познакомиться съ докторомъ Андреемъ Ефимычемъ Рагинымъ, съ его безволиемъ, апатією и полнымъ разладомъ словъ и дѣлъ. Ко всему этому остается прибавить лишь,

что все свободное отъ посѣщеній больницы время (а мы видѣли, какъ рѣдко посѣщала онъ больницу), онъ проводилъ въ чтеніи, причемъ черезъ каждые полчаса выливалъ по рюмкѣ водки, закусывая ее соленымъ огурцомъ или моченымъ яблокомъ. Но вечерамъ-же водка замѣнялась пивомъ. И такъ продолжалось изо дня въ день въ теченіи двадцати лѣтъ. Согласитесь, что такое систематическое отравленіе спиртомъ безъ малѣйшихъ перерывовъ не могло остаться безслѣднымъ и не подѣйствовать на умственные способности, хотя-бы отъ природы человѣкъ не былъ расположенъ къ душевнымъ болѣзнямъ.

И вотъ, мало-по-малу водка въ соединеніи съ пивомъ на столько отуманила мозгъ несчастнаго, что онъ окончательно пересталъ сознавать отношеніе между собою и окружающими его предметами; вибѣтъ съ тѣмъ, утратилъ чутье и своихъ отношеній къ окружающему. Разъ это случилось, то хотя его и мысли и поступки продолжали сохранять логику здравогомыслящаго человѣка, тѣмъ не менѣе, они начали поражать людей, съ которыми онъ соприкасался, своею странностью и ненормальностью.

Такъ, между прочими душевно-больными содержался въ палатѣ № 6-й еврей Моисейка, дурачекъ, помѣшавшійся лѣтъ двадцать назадъ, когда у него сгорѣла шапочная мастерская. Изъ всѣхъ обитателей палаты только ему одному позволялось выходить изъ флигеля и даже изъ больничнаго двора на улицу. Такою привилегіей онъ пользовался издавна, какъ больничный старожилъ, тихій, безвредный дурачекъ, городской шутъ, котораго давно уже привыкли видѣть на улицахъ окруженнымъ мальчишками и собаками. Въ халатишкѣ, въ смѣшномъ колпакѣ и въ туфляхъ, иногда босикомъ и даже безъ шапталонъ, онъ ходилъ по улицамъ, остапавливаясь у воротъ и лавочекъ, и просилъ копѣчку. Въ одномъ мѣстѣ дадутъ ему квасу, въ другомъ — хлѣба, въ третьемъ — копѣчку, такъ что возвращался онъ во флигель сытымъ и богатымъ. Но все, что приносилъ онъ съ собою, отбиралъ у него сторожъ Никита въ свою пользу.

Двадцать лѣтъ душевно-больной, содержавшійся въ палатѣ № 6-й, разыгрывалъ, такимъ образомъ, роль городского шута и двадцать-же лѣтъ завѣдывалъ этою палатою докторъ и не зналъ даже и о существованіи находившагося на его попеченіи больного! А въ палатѣ, не забудьте, содержалось всего-на-всего пять больныхъ.

И вотъ, однажды, весной, въ мартѣ мѣсяцѣ, когда докторъ провожалъ до воротъ своего обычнаго гостя, почтмейстера Михаила Аверьяныча, къ нему подошелъ Моисейка и попросилъ копѣчку, дрожа отъ холода и улыбаясь. Андрей Ефимычъ, который никогда не умѣлъ отказывать, подалъ ему гривенникъ. «Какъ это не хоро-

по, — подумалъ онъ, глядя на его босые ноги съ красными тощими щиколками. — Вѣдь, мокро».

И побуждаемый чувствомъ, похожимъ на жалость и на брезгливость, онъ пошелъ во флигель вслѣдъ за евреемъ, поглядывая то на его лысину, то на щиколки. При входѣ доктора, съ кучи хлама вскочилъ Никита и выпрямился.

— Здравствуй, Никита, — сказала мягко Андрей Ефимычъ. — Какъ-бы этому еврею выдать сапоги, что-ли, а то простудится.

— Слушаю, ваше высокоблагородіе. Я доложу смотрителю.

— Пожалуйста. Ты попроси его отъ моего имени. Скажи, что я просилъ.

Дверь изъ сѣней въ палату была отворена. Докторъ увидѣлъ и узналъ Иванъ Дмитричъ, весь затрясся отъ гнѣва, вскочилъ и съ краснымъ, злымъ лицомъ, съ глазами на выкатъ, выбѣжалъ на середину палаты.

— Докторъ пришелъ! — крикнулъ онъ и захохоталъ. — Наконецъ-то! Господа, поздравляю, докторъ удостоиваетъ насъ своимъ визитомъ! Проклятая гадина! —

З
взвизгнулъ онъ и въ изступленіи, какого никогда не видѣли въ палатѣ, топнулъ ногой. — Убить эту гадину! Ибтъ, мало убить! Уточить въ отхожемъ мѣстѣ!

Андрей Ефимычъ, слышавшій это, выглянулъ изъ сѣней въ палату и спросилъ мягко:

— За что?

— За что? — крикнулъ Иванъ Дмитричъ, подходя къ нему съ угрожающимъ видомъ и судорожно вапыхиваясь въ халатъ. — За что? Воръ! — проговорилъ онъ съ отвращеніемъ и дѣлая губы такъ, какъ будто желая цлюнуть! — Шарлатанъ! Палачъ!

— Успокойтесь, — сказала Андрей Ефимычъ, виновато улыбаясь. — Увѣраю васъ, я никогда ничего не краду, въ остальномъ-же, вѣроятно, вы сильно преувеличиваете. Я вижу, что вы на меня сердиты. Успокойтесь, прошу васъ, если можете, и скажите хладнокровно: за что?

— А за что вы меня здѣсь держите?

— За то, что вы больны.

Х.

И вотъ, между докторомъ и Иваномъ Дмитричемъ завязался разговоръ, въ которомъ сразу обнаружилось, что докторъ едва-ли не въ большей еще степени былъ душевно-больной, чѣмъ состоявшій на его попеченіи умалишенный. Начать съ того, что онъ совсѣмъ забылъ, что вѣрныя его попеченію больные могутъ свободно разгуливать по городу босые и просить Христа-ради, и что привлекла его въ палату, именно, встрѣча съ подобнымъ его пациентомъ, и началъ увѣрять Ивана Дмитрича, что какаа ему польза будетъ, если онъ отпуститъ его: его задержать горожане или полиція и вернуть назадъ. При этомъ докторъ началъ серьезно увѣрять больного, что пребываніе его въ больницѣ зависитъ вполнѣ отъ случая: кого посадили, тотъ сидитъ, а кого не посадили, тотъ гуляетъ — вотъ и все: — «Въ томъ, что я докторъ, — говорилъ онъ, — а вы душевно-больной, нѣтъ ни нравственности, ни логики, а одна только пустая случайность. Разъ существуютъ тюрьмы и сума-

спешше дома, то долженъ-же кто-нибудь сидѣть въ нихъ. Не вы — такъ я, не я — такъ кто-нибудь третій... При всякой обстановкѣ вы можете находить усилкое ие въ самомъ себѣ. Свободное и глубокое мышление, которое стремится къ уразумѣнiю жизни, и полное презрѣнiе къ глухой суетѣ мира, — вотъ два блага, выше которыхъ никогда не зналъ человѣкъ. И вы можете обладать ими, хотя-бы вы жили за тремя рѣшетками. Диогенъ жилъ въ бочкѣ, однако-же, былъ счастливѣе всѣхъ царей земныхъ».

Но верхъ ненормальности заключался въ томъ, что докторъ совсѣмъ забылъ, что онъ докторъ, а передъ нимъ пациентъ, и притомъ душевно-больной, котораго онъ обязанъ лечить по правиламъ науки, а не завести съ нимъ философскiе споры на такiя тревожныя темы, какъ вопросы о цѣляхъ, значенiи и сути жизни, что равносильно ковырянiю или тренiю наболѣвшей раны. Онъ, мало того, что всталъ съ нимъ на равную ногу, совершенно какъ со своимъ прiателемъ, но и сильно заинтересовался имъ не съ медицинской точки зрѣнiя, въ качествѣ интереснаго экземпляра душевной болѣзни, а какъ съ человѣкомъ блестящаго ума и образованiя.

«Какой прiятный молодой человѣкъ!... — думалъ онъ, идя къ себѣ на квартиру. — За все время, пока я тутъ живу, это, кажется, первый, съ которымъ можно поговорить. Онъ умѣетъ рассуждать и интересуется, именно, тѣмъ, чѣмъ нужно».

Читая и потомъ ложась спать, онъ все время думалъ объ Иванѣ Дмитричѣ, а проснувшись на другой день утромъ, вспомнилъ, что вчера онъ познакомился съ умнымъ и интереснымъ человѣкомъ, и рѣшилъ сходить къ нему еще разъ при первой возможности.

XI.

Согласитесь, что подобное отношенiе доктора къ своему душевно-больному пациенту показываетъ въ самомъ докторѣ такую степень душевной болѣзни, при которой человѣкъ теряетъ уже почву подъ ногами, истинное значенiе вещей и сознание, какъ держать себя съ различными людьми. Далѣе, мы видимъ, что Андрей Ефимычъ началъ очень часто посѣщать Ивана Дмитрича и продолжалъ обращать его въ свою философию индифферентнаго кзiвнiзма, причеиъ болыной, въ своихъ возраженiяхъ, оказывался не въ урамѣр логичнѣе и справедливѣе всего врача.

Подобное поведеиie доктора не могло не обратить на себя вниманiя окружающихъ его людей, какъ нѣчто совершенно несообразное. И въ самомъ дѣлѣ, подумайте только, какое впечатлѣнiе должны были вынести помощники Андрей Ефимыча Хоботовъ и Никита, когда, заглянувъ въ палату, сивозъ полуотворенную на вершокъ дверь, они увидѣли, какъ Иванъ Дмитричъ въ колпакѣ и Андрей Ефимычъ сидѣли радсѣ на постели. Сумасшедшiй гимназичазъ, вздрагивалъ и судорожно запакивался въ халатъ, а докторъ сидѣлъ неподвижно, опутивъ голову, и лице у него было красное, безпомощное, грустное.

Оттуда и пошла распространяться по городу молва, что Андрей Ефимычъ не въ своемъ умѣ, и дальнѣйшия поступки его оправдывали эту молву. Ни малѣйшаго протеста и возраженiя здравомыслищаго человѣка не обваруживалъ докторъ ни тогда, когда его подвергали судебному допросу, ни когда почтмейстеръ увезъ его путешествовать и по дорогѣ ограбилъ его, заиавъ у него въ долгъ послѣднiе его 500 рублей, ни по возвращенiи домой, оставшись безъ мѣста и безъ всякихъ средствъ къ жизни. Ко всему этъ му относился онъ съ пассивностью и

Своиленъ вопли душевно-больного человека. Лишь тогда слишкомъ ужь надѣли ему ухаживанія за нимъ пріятеля почтмейстера и Хоботова, онъ, вдругъ, нервно вспылить, противъ воли сжалъ кулаки, подвѣлъ ихъ выше головы, не своимъ голосомъ началъ гнать вонъ своихъ гостей и бросилъ имъ въздъ стѣлянкой съ бронистымъ каземъ.

Послѣ этого проявленія буйства его отправили въ ту же палату № 6,—и, опять-таки, онъ допустилъ свести себя въ больницу безъ малѣйшихъ проявленій хотя тѣмъ активности ума или воли: на-слово повѣдъ Хоботова, котораго навалунъ прогналъ съ такимъ неистовствомъ, что тотъ ведетъ его на какой-то фантастическій консуліумъ. Безроотно облекся въ больничное платье, а затѣмъ, совершенно не соображая, что разъ онъ попалъ въ палату, въ качествѣ хотя-бы мнимаго больного, сторожъ не можетъ выпустить его на свободу, началъ просить Никиту, чтобы тотъ выпустилъ его, вышелъ, наконецъ, изъ себя и вступилъ съ Никитомъ въ ожесточенную, бессмысленную борьбу воли уже сумасшедшаго характера,— послѣ чего послѣдовалъ аполексическій ударъ и смерть Андрея Ефимыча.

52/4 / Все это производитъ на васъ гнетущее и, въ концѣ-концовъ, потрясающее впечатлѣніе,—причемъ слѣдуетъ сказать, что подобное впечатлѣніе производитъ не одинъ только мастерской и глубокой психиатрической анализъ автора, но и общая картина общества захолустнаго городка, жизнь котораго дошла до такой всеобщей небылицы, что вы положительнo теряете сознаніе, кого въ этой средѣ можно считать здоровыми, кого душевно-больными людьми, гдѣ кончается палата № 6 и начинается область яко-бы здраваго смысла?...

А. Свабичевскій
